

НОВОЕ В ФИЛОСОФИИ

Проективный философский словарь*

СЛОВАРНЫЕ СТАТЬИ (Выпуск 12)

АВТОПОЛЕМОС (Autopolemos) – спор с самим собой. Автополемос видит во внутренней гармонии источник стагнации и смерти; жить полноценно – значит противоречить себе. Платон-философ против Платона-поэта, Пастернак-поэт против Пастернака-философа, Витгенштейн поздний против Витгенштейна раннего, Платонов-антикоммунист против Платонова-коммуниста, «Песни опыта» Блейка против его же «Песен невинности», «Даная» Рембрандта 1646-го – поверх холста «Данаи» 1636-го. Но ничто не может быть отвергнуто окончательно. «Жалкая беспомощность» двухголового человека (Парменид), вроде бы не способного, как буриданов осел, на последний выбор, превращается в абсолютную творческую силу, что мы можем наблюдать, например, в творчестве С. Кьеркегора – одновременно этика, эстетика и рыцаря веры.

В широком смысле автополемос присутствует в самых разных переживаниях: от сомнения до раскаянья, от чувства вины до рефлексивности как таковой, от аскезы до самоубийства, от борьбы с искушением до преодоления собственных пределов. В узком – это выдвижение против одного тезиса, с которым ты себя отождествляешь (ял), другого тезиса, не менее значимого для тебя. Эта «естественная антитетика разума» (И. Кант) коренится в исходной автополемичности существования, в базовой и нередуцируемой амбивалентной структуре перехода между подлинным (бытием самим собой) и неподлинным (бытием не самим собой), которую описал М. Хайдеггер.

1. Ахутин А.В. Тяжба о бытии. – М.: Русское феноменологическое общество, 1996.

2. Библер В.С. Мышление как творчество. – М.: Политиздат, 1975.

3. Кант И. Критика чистого разума. – М.: Мысль, 1994.

---

* Издательство «Гуманитарий» готовит к изданию «Проективный философский словарь. Новые термины и понятия» под редакцией Г.Л. Тульчинского и М.Н. Эпштейна. Издание 2-е, дополненное. Фрагменты словаря регулярно публикуются на страницах журнала «Философские науки», начиная с № 10 за 2009 г.

4. Лехциер В.Л. Спор о споре или колючая изнанка методологии // Вестник Самарского государственного университета. – 2004. № 3 (33).

5. Лехциер В.Л. Феноменология «пере»: введение в экзистенциальную аналитику переходности. – Самара: Самарский университет, 2007.

6. Савченкова Н.М. Альтернативные стили чувственности. – СПб.: С.-Петербургский ун-т, 2004.

В.Л. Лехциер

ПЕРЕ-ЖИВАНИЕ (*Ex-perience*)

Пере-живание, или жизнь в модусе «пере» (переходности) есть фундаментальный способ человеческого бытия. Феномен переходности описан в социальной теории, истории, антропологии (обряды перехода), лингвистике, психологии (тема транса и переходных возрастов), но ни эти науки, ни тем более формальная или диалектическая логика не схватывают существа «пере» как реального онтологического опыта, фундирующего все прочие явления переходности. «Пере» – это страдательно-респонзивный, событийно-незавершенный опыт экзистенциальной перемены. В отличие от мгновенных сказочных превращений, в которых действует автоматическая машинка преобразования, в человеческом экзистировании всегда есть выделенные место и время «пере», где при твоем же участии совершается событие твоего же преобразования. Внутри любого мгновенного обращения (примеры: от ап. Павла до Алеши Карамазова, который «вдруг» превратился из «юнца» в «бойца») мы обнаруживаем бытие-в-переходе, структуру *патос-respons* (вопрос-ответ), *промежуток*, насильственный перерыв обычной длительности, повседневного понимания мира и самопонимания, вызванный вторжением Иного и требующий твоего личного ответа на онтологическую задетость. Так совершается *переход через внутренние Альпы*.

«Пере» настаивает в любом регионе опыта, номинально как повседневном (болезнь, уколы совести или вызов любви), так и неповседневном (в религии, искусстве). Однако сингулярные «ключевые события» вторжения Иного, которые со мной *случаются*, лишь обостряют «абсолютное событие» (Ж.-П. Сартр) моей фактичности, *всегда* заданной мне в свете моей конечности. Это делает переживание в терминах М. Бахтина постоянным «предстоянием» себе, «еще-не-бытием», никогда не завершаемым опытом одновременно *бытия-под-вопросом* и *бытия-в-ответе*.

1. Бахтин М.М. К философии поступка // Бахтин М.М. Собр. соч. Т. 1. Философская эстетика 1920-х г. – М.: Русские словари, Языки русской культуры, 2003.

2. Вальденфельс Б. Мотив чужого. – Мн.: Профили, 1999.

3. Лехциер В.Л. Феноменология «пере»: введение в экзистенциальную аналитику переходности. – Самара: Самарский университет, 2007.
3. Тульчинский Г.Л. Разум, воля, успех. О философии поступка. – Л., 1990.
4. Щитцова Т.В. Событие в философии Бахтина. – Мн.: И.П. Логвинов, 2002.

В.Л. Лехциер

Антропологическая мера (Anthropological measure) в современных гуманитарных науках – интервал, система референции, предел, границы, диапазон «особости», индивидуальности, уникальности человека, условия его самоидентификации и качественной (специфически человеческой) определенности.

Для философии всегда был характерен интерес к отысканию адекватной антропологической меры, причем меры «естественной», вырастающей изнутри, из самой природы человеческого и способа его бытия. В связи с этим тема антропологической меры всегда была связана: с поисками сущности, идентичности и динамики человеческого, активностью человека в становлении и самополагании; с темой антропологических границ и пределов; с поисками адекватной шкалы и точки отсчета (системы референции) человеческого; а также с попытками философской и социокультурной экспертизы Иного (как того, что ограничивает собственно человеческое, и как того, что нередко задает антропологическую меру).

В ходе подобного поиска философское мышление, как правило, наталкивалось на логико-семантические парадоксы, многие из которых находили свое разрешение путем создания онтологий, а priori включающих трансцендентное «феноменальному» человеку и наличному человеческому опыту в качестве антропологической сущности и меры подлинности человеческого существования. Моделируемый философией человек тем самым обретал специфическую мерность или в отождествлении, или в противопоставлении Иному, тому, что выходило за рамки его наличного опыта и способа бытия. Сама же антропологическая мера оказывалась отражением противоречия между различными измерениями универсума или собственно человеческими модусами бытия.

Генезис данного понятия позволяет выявить ряд смыслов и коннотаций: эквивалент мудрости, гармонии и порядка; мера-пропорция; эталонный образец. Не менее важный момент связан с мерой как с «золотой серединой», размеренностью, равновесным центром между избыточностью и недостаточностью, а также с понятием оптимума и совершенства. Мера не просто существует объективно, но задается человеком, прилагается им к конкретным вещам и процессам. Человек выступает мерой всех вещей. Благодаря диалектической логике

Гегеля полисемантема меры приобретает динамику саморазвивающегося, самодвижущегося понятия, становится категорией, имманентно связанной с противоречием, с тенденцией к превышению и изменению наличной меры. При этом притязания на знание, определение, задание меры предполагают знание не только границ, но и того, что ограничивает Иного как другого, чужого, внеположенного, трансцендентного исходному состоянию или опыту. Попытки философии игнорировать «Иное» (упразднить инакость и инаковость как объективный факт и субъективный смысл) лишают философский вопрос о человеческом его качественной стороны.

Несмотря на то, что социокультурная действительность, гуманитарная литература и обыденная речь изобилуют нормами и стандартами, рассуждениями о мере человеческого в человеке (степени его гуманности, бесчеловечности и сверхчеловечности), вопрос о возможности аппликации категории меры к человеку и очеловеченному миру (вопрос об унификации, стандартизации меры, о валидности измерения собственно человеческого в каких-либо известных единицах измерения) до сих пор не разрешен положительно.

В философии принято выделять простую, или непосредственную меру, системную меру и реальную меру. Применительно к человеку аперспективная, фиксированная как наличное состояние современного человека совокупность признаков и черт человеческого как среднестатистического *homo sapiens* составляет его простую непосредственную меру. Системная мера определяется, принимая во внимание масштабные «системы погружения» (природа, социум, Вселенная и т.д.) человеческого, а также его положение внутри данных систем, отношение человека к границе (центральность, периферийность и т.д.). Системная мера задает многомерного человека, где некоторая связанность плюральных измерений обеспечивается за счет общего контекста системы. Реальная же (перспективная) мера, как мера человека, рассматриваемого с точки зрения всех его возможных (и невозможных) систем взаимодействия, где репрезентируется его качество, — есть иномерность — мера, задаваемая во взаимодействии и перспективе актуализации Иного, в том числе и онтологически запредельного человеческому.

Ю.В. Шичанина